

Нищие могли лишь сочувствовать. Они знали, что этот раб-преступник был человеком, к которому даже животные не подходили. А Чоу, взявший его к себе, сам нажил себе проблемы. Но теперь, когда А Чоу был на грани смерти, раб проявлял к нему заботу, и нищие не могли больше осуждать его.

Раб всегда был человеком без надежды, но теперь, рядом с А Чоу, он снова начал чего-то желать. Он хотел, чтобы А Чоу выздоровел. В этой арке под мостом были только нищие, но никто не хотел подходить к рабу. Только рядом с А Чоу он чувствовал себя человеком.

А Чоу больше не мог ходить за едой, и двое могли рассчитывать только на то, что нищие поделятся с ними. Раб, привыкший к голоду, всегда отдавал еду А Чоу, говоря, что уже поел. Нищие тоже помогали обманывать, так как были ближе к А Чоу. Им не было дела до того, сыт ли раб.

Днём нищие уходили искать еду, и только раб оставался с А Чоу в продуваемой ветром арке под мостом.

— А Чоу, — раб, нанося уже почти бесполезную мазь на раны А Чоу, сказал странным голосом.
— Откуда ты? Тебя всегда звали А Чоу?

А Чоу пальцем нарисовал несколько линий на земле, используя золу от костра, и показал рабу.

Единственный оставшийся глаз раба плохо видел, и он покачал головой.

А Чоу нарисовал снова, на этот раз крупнее.

— Пирожки, — раб наконец разглядел и с трудом улыбнулся. — Двадцать девять мясных пирожков? А Чоу, что ты хочешь мне сказать? Ты умеешь писать, так напиши мне.

А Чоу указал на цифры «двадцать девять» и снова покачал головой.

Раб сказал:

— Эти цифры неправильные? — Он почти прижался головой к земле. — Это двадцать девять.

А Чоу долго объяснял жестами, но, несмотря на то что они стали понимать друг друга в быту, здесь он не мог донести до раба смысл своего рисунка.

— Мясные пирожки, — наконец спросил раб. — А Чоу, ты хочешь мясных пирожков?

А Чоу быстро замахал головой. Они сейчас даже едва могли наесться, а он хотел пирожков? Он снова указал на раба.

— Я не ем мяса, — сказал раб.

А Чоу проспал в арке три дня, а на четвёртый день снова обрёл силы. Это обрадовало раба и нищих, и они подумали, что А Чоу пережил кризис. А Чоу завернул своё уже неузнаваемое лицо в ткань и в ту же ночь понёс истощённого раба из арки.

Раб не знал, куда А Чоу его ведёт. Он боялся, что А Чоу отведёт его обратно в Дом веселья, и тихо умолял:

— А Чоу, отведи меня обратно позже.

А Чоу обернулся, посмотрел на раба и покачал головой.

Раб замолчал. Прожив несколько дней в относительном комфорте, он забыл, что был всего лишь преступником, который не мог даже умереть. А Чоу уже достаточно для него сделал, а он всё ещё цеплялся за своего больного друга? Он действительно был плохим человеком!

А Чоу нёс раба через всю Цветочную улицу. Люди, проходящие мимо, закрывали носы, боясь приблизиться к этим двум оборванцам в лохмотьях, от которых несло зловонием.

— А Чоу, — раб с тревогой спросил. — Куда ты меня ведёшь?

А Чоу указал вперёд.

— Я, я не могу идти, А, А Чоу, — раб, испуганный и растерянный, говорил так, что его было трудно понять, и начал заикаться.

А Чоу обернулся, коснулся лбом лица раба, а затем снова пошёл вперёд, неся его на спине.

— А Чоу, — в голосе раба появились слёзы. — Я не могу идти. Оставь меня, иди один.

Улицы Шанду, кроме Цветочной, были тихими после наступления ночи.

— Оставь меня, — раб, глядя на падающие снежинки, легко похлопал А Чоу по плечу.

— Посторонись! — кто-то на быстром коне пронёсся мимо них, громко крикнув.

А Чоу, задетый конём, остановился, и его руки разжались. Раб упал на снег.

— А Чоу?! — раб, в панике, закричал имя друга.

А Чоу, лежа в объятиях раба, смотрел на него. Из его рта потекла чёрная, как чернила, кровь.

Раб сорвал ткань с лица А Чоу и попытался закрыть его рот рукой, чтобы остановить кровь.

— Впереди! — сзади слышались шумные голоса.

А Чоу шевелил губами, словно что-то говорил рабу.

— А Чоу, не умирай, — человек, который сам мечтал о смерти, теперь умолял другого не умирать.

Голова А Чоу упала на грудь раба. Человек, который держался до последнего, наконец исчерпал свои силы.

— А Чоу? — раб дрожащей рукой проверил дыхание друга.

— Так ты умеешь говорить! — хозяин с людьми подошёл сзади и, услышав, как раб зовёт А Чоу, пнул его ногой. — Вот почему нельзя жалеть рабов! Ты притворялся немым?!

— Умоляю, спасите его, — раб, лежа на земле, умолял хозяина.

Один из охранников проверил дыхание А Чоу и сказал:

— Мёртв.

— Проклятый! — хозяин наступил на руку раба. — Ты сбежал с мертвецом? Хотел нас всех погубить? Я тебя научу бегать! — Услышав, что уродливый нищий сбежал с рабом, хозяин чуть не умер от страха. Это был человек, которого ему поручили власти. Если бы он сбежал, хозяин бы не выжил.

Старый нищий и несколько других подошли и увидели, как хозяин избивает раба на улице. Старик подошёл к А Чоу.

— Мёртв, — один из нищих проверил дыхание А Чоу и прислушался к его груди, затем сказал остальным.

— Эх, — старый нищий покачал головой, глядя на тело А Чоу. — Ты шёл со мной, чтобы вернуться в Сюаньчжоу на родину. Почему ты остановился здесь?

Нищие унесли А Чоу.

Раба увёл охранник. Он знал, что его зовут А Чоу, но А Чоу так и не узнал, что у него есть имя — Ло Вэй. Слезы не текли из глаз раба, но кровь, сочащаяся из его тела, стала его слезами.

Кома Ло Вэя, по мнению лекаря Вэй, была более опасной, чем та, в которую он впал после спасения из рук Ку Лю. Лекарь Вэй был одним из лучших в Императорской лечебнице, и его слова о том, что состояние Ло Вэя ухудшается, вызвали у всех мрачные предчувствия.

Император Синъю вместе с императрицей и наследным принцем пришёл в резиденцию левого министра через пять дней после того, как Ло Вэй впал в забытье.

Ло Чжи, увидев Ло Вэя, разрыдалась. Ло Вэй лежал в постели, укрытый несколькими толстыми одеялами. Если бы не редкие бормотания во сне, его можно было бы принять за мертвеца. Ло Чжи вышла замуж за тогда ещё князя У в тринадцать лет и с тех пор не возвращалась в дом Ло. Теперь, спустя много лет, она вернулась, чтобы в последний раз увидеть своего племянника.

Ло Чжицю, видя мрачное выражение лица императора, попросил Фу Хуа отвести Ло Чжи в главный зал, а сам с наследным принцем вышел в соседнюю комнату, оставив императора наедине с Ло Вэем.

— Вэй? — император сел на кровать и тихо позвал Ло Вэя несколько раз.

Ло Вэй не реагировал. Его лицо было не просто бледным, а серым. Как сказал лекарь Вэй, это было предсмертное состояние.

— Что с тобой случилось? — спросил император Ло Вэя. — Я больше не сержусь на тебя и не наказываю твоего брата. Почему ты так расстроен? Я напугал тебя? Вэй, если ты выздоровеешь, я обещаю, что больше не буду кричать на тебя. Я император, и моё слово — закон. Вэй, не пугай меня, не пугай своего отца.

Сказав «отец», император закрыл глаза, чтобы слёзы не вытекли. Он всегда говорил, что будет защищать этого ребёнка, а теперь Ло Вэй был на грани смерти. Он, император, был бессилён. Не смог защитить любимую женщину, не смог защитить сына. С каким лицом он предстанет перед Ло Чжицзинь после смерти?